

а на кладбище все спокойненько

«Кладбищенские истории» Чхартишвили/Акунина

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

В новой книге Григорий Чхартишвили удачно соединяет две ипостаси — эссеистическую и беллетристическую. Каждая из шести глав, будучи посвящена одному знаменитому кладбищу, начинается увлекательным документальным очерком Григория Чхартишвили и заканчивается новеллой Бориса Акунина. Модный романист замечает здесь и как автор путевых и исторических заметок, и как мастер короткой прозы.

Умение писать увлекательно — это, наверное, от природы, а вот возможностями стилистической отделки и хорошей проработки документального фона Борис Акунин во многом обязан своей образованности. Склонность использовать ее в качестве визитной карточки и отправной точки — первое, что бросается в глаза при чтении «Кладбищенских историй». Сочинитель Акунин вроде бы выступает здесь на равных с филологом и историком Чхартишвили, но последний все же неявно доминирует, напрямую общаясь с читателем и задавая тему. Та частичная артистическая самостоятельность, которая всегда была присуща Акунину, здесь в значительной степени утрачивается. Возможно, это психологический эффект (запланированный?) от встречи двух ипостасей под одной обложкой: теперь уже ни на минуту не удастся забыть, что за каждой строчкой Акунина стоит рационализм и усидчивость образованного Чхартишвили.

Чхартишвили живет хорошо, в средствах не стеснен, что дает ему счастлившую возможность не только изучать интересующие его вещи по книгам, но и знакомиться с ними, путешествуя по свету. Будучи любителем прямого контакта с аурой ушедших поколений, он посетил шесть кладбищ в шести разных странах, что сделало его еще более неравнодушным к тем, кто на них похоронен. У каждого из кладбищ свой облик, свой стиль и своя «биография». На Старом Донском наря-

ду с Ключевским и Майковым покоится множество неизвестных обитателей старой Москвы, а в легендарном французском некрополе Пер-Лашез — Айседора Дункан, Ив Монтан и Джим Моррисон, а также Шопен, Бальзак и Уайльд. Огромный нью-йоркский Грин-Вуд, занимающий площадь в десять Московских Кремлей, — вероятно, самое престижное место упокоения во всей Америке; не обошлось и без любимой страны автора — Японии (одна из глав посвящена кладбищу Гайдзин-боти в Иокогаме, где с давних пор хоронили иностранцев). Успел Чхартишвили погулять и по заросшему лондонскому Хайгейту, и по одному из сакральных мест еврейского мира — кладбищу на Масличной горе в Иерусалиме. Очерки об этих некрополях написаны по-журналистски: в них в идеальной пропорции сочетаются занимательная информация, личные впечатления и не слишком сложные философские максимы. Образцовый пример популярной истории. Когда читаешь о любопытных подробностях из жизни Маркса, к которым Чхартишвили непринужденно переходит от описания Хайгейта, где похоронен мыслитель, или о происходивших в разные времена кровавых событиях на Пер-Лашезе, то понимаешь, что учебники истории для ленивых (а может быть, даже и для всех) должны писаться именно так — в манере ненапряженного припоминания, с добавлением ностальгических пассажей о том, как автор воспринимал Францию или Англию в детстве, и того, что ему рассказывали в школе. Фигура уважаемого путешественника Чхартишвили здесь не менее важна, чем все остальное.

В сопровождающих же новеллах сам бог велел эксплуатировать любимого акунинского конька — в меру интеллектуальный околоисторический триллер. Этим Акунин и занимается: не менее прилежно, чем обычно (хотя есть и новеллы, посвященные исключительно настоящему или даже будущему). Истории про призрак небезызвестной изуверки Салтычихи, про Маркса, ставшего хайгейтским вампиром, про предприимчивого филолога, добывающего перстень из могилы Оскара Уайльда, и про незабвенного Фандорина, раскрывающего хитроумное преступление в Иокогаме, более изящны, чем многие из культовых романов Акунина. Ненавязчивым фантазмагорическим флером они напоминают тексты русского «постгофманианца» Александра Чаянова. Примечательнее другое. Как и у любого, кто профессионально занимается историей, у Чхартишвили, вероятно, есть свой оригинальный взгляд на участвующих в сюжете реальных персонажей, но в «Кладбищенских историях» он либо никак не проявляется, либо сводится к шутке. Оскар Уайльд и Салтычиха здесь — не объекты писательской интроспекции, а всего лишь симпатичные, причесанные и не всегда убедительно анимированные пешки в азартной литературной игре.

Что ж, в конце концов, слово «история» имеет два значения. Писателю Акунину явно ближе менее глобальное из них, так что эта книга — еще один гвоздь в гроб настоящей исторической прозы.



Григорий Чхартишвили, Борис Акунин. Кладбищенские истории. — М.: КоЛибри, 2004. — 240 с.

Акунин Борис Чхартишвили

22.10.09

22